

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78
УДК 336.143(045)
JEL E62, H50, H61

Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы экономического роста

И.А. Соколов^а, Е.О. Матвеев^б

^а Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Согласно Основным направлениям бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025–2026 годов ожидается значительный рост расходов всех бюджетов бюджетной системы России. При этом существенно меняется структура расходов: ожидается ее смещение в сторону «силовых» расходов на фоне некоторого сокращения вложений в человеческий капитал, социальную политику и развитие национальной экономики. Для обеспечения требуемой законодательством бюджетной сбалансированности прогнозируется и рост налоговой нагрузки в ближайшие три года. В настоящей статье предпринята попытка оценить воздействие этих изменений на динамику ВВП. **Методы.** Для оценки изменений в бюджетно-налоговой политике были рассчитаны мультипликаторы налогов и бюджетных расходов, в том числе в разрезе ключевых функциональных разделов бюджетной классификации, на основе импульсных откликов структурной VAR модели российской экономики. Модель оценивалась на данных за 2004–2021 гг. Для расчета среднеразмерной модели (10 показателей) был использован байесовский метод оценивания. **Результаты.** Рассчитанные финансовые мультипликаторы подтверждают наличие значимого эффекта бюджетно-налоговой политики на ВВП, наибольший стимулирующий эффект демонстрируют расходы на социальную политику и национальную экономику.

Ключевые слова: финансовый мультипликатор; бюджетно-налоговая политика; эффективность бюджетных расходов; экономический рост; бюджетная консолидация

Для цитирования: Соколов И.А., Матвеев Е.О. Оценка воздействия бюджетно-налоговой политики на темпы экономического роста. *Мир новой экономики*. 2023;17(4):65-78. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78

ORIGINAL PAPER

Assessing the Impact of Fiscal Policy on Economic Growth Rates

I.A. Sokolov^а, E.O. Matveev^б

^а Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Relevance. The Guidelines for Budget, Tax and Customs Tariff Policy for 2024 and for the planning period 2025–2026 show that there will be a significant increase in expenditures for all funds of the Russian budget system. The expenses' structure is changing significantly: it is expected to shift towards power expenses against the backdrop of a slight reduction in investments in human capital, social policy and the national economy growth. To ensure the budgetary balance required by law, the state predicted an increase in the tax burden in the next three years. This paper attempts to assess the impact of these changes on GDP dynamics. The authors calculated multipliers, including in key functional sections of the budget classification, to assess changes in fiscal policy, tax, and budget expenditure. **Methods.** We based these calculations on the impulse responses of the structural VAR model of the Russian economy. Also, the authors assessed the model on data for 2004–2021 to reckon the average-sized model (10 indicators) involved having used the Bayesian estimation method. **Results.** The calculated financial multipliers confirm a significant effect of fiscal policy on GDP; expenditures on social policy and the national economy showed the greatest stimulating effect.

Keywords: financial multiplier; fiscal policy; budget expenditures efficiency; economic growth; fiscal consolidation

For citation: Sokolov I.A., Matveev E.O. Assessing the impact of fiscal policy on economic growth rates. *The World of the New Economy*. 2023;17(4):65-78. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-4-65-78

© Соколов И.А., Матвеев Е.О., 2023

ВВЕДЕНИЕ

В конце сентября 2023 г. в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект «О федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» с сопутствующими материалами, в том числе включающими Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на тот же период (также далее — ОНБНТП). Ожидается, что в 2024 г. расходы всех бюджетов бюджетной системы вырастут до 38,2% ВВП, что является довольно высоким уровнем для перераспределяемого через бюджет валового внутреннего продукта (за последние два десятилетия объем совокупных расходов был зафиксирован выше только дважды — в кризисные 2009 и 2020 гг. с показателями 41,4 и 39,5% ВВП соответственно).

Однако обращает на себя внимание не столько запланированный рост расходов или избыточный оптимизм с наполнением бюджета¹, сколько беспрецедентное наращивание расходов на национальную оборону (до 6,0% ВВП против 2,6% ВВП в 2021 г.) на фоне некоторого сокращения вложений в человеческий капитал, социальную политику и развитие национальной экономики. И хотя бюджетные ограничения были несколько расширены благодаря нетипично оптимистичному прогнозированию бюджетных доходов, данный «маневр», обусловленный вполне объективными обстоятельствам в виде необходимости продолжения СВО в условиях серьезного геополитического давления, может в среднесрочной перспективе означать снижение стимулирующего влияния бюджета на долгосрочные темпы экономического роста вследствие сокращения доли наиболее производительных трат [1].

К последним традиционно относят инвестиции в человеческий и физический капитал, расходы на фундаментальные исследования и др. [2]. При этом условно непроизводительные расходы, включающие в первую очередь финансирование государственного управления, национальной обороны и правоохранительной деятельности (хотя ряд авторов еще к ним относят расходы на социальную политику и культуру [3]), также нужны для выполнения общественных функций и оказания государственных услуг, однако

¹ Дефицит бюджета расширенного правительства (включает федеральный бюджет, региональные и местные бюджеты, бюджеты государственных внебюджетных фондов) в предстоящем году не должен превысить 1,1% ВВП в то время, как в указанные годы пиковых трат отрицательное бюджетное сальдо было более существенным — 6,3 и 4,0% ВВП соответственно.

их увеличение сверх оправданных для текущего состояния развития государства уровней неизбежно приводит к отвлечению ограниченных бюджетных ресурсов на их осуществление. Что в конечном счете отрицательно влияет на темпы экономического роста.

Очевидно, что в условиях усиления рисков снижения доходов бюджетной системы из-за внешнего санкционного давления адаптационные изменения в структуре расходов бюджета расширенного правительства (БРП) могут еще более увеличить крен в сторону условно непроизводительных трат, что на фоне снижения темпов роста ВВП и, следовательно, сжатия доходной базы, будет ухудшать сбалансированность бюджета и приводить к ускоренному наращиванию долговой нагрузки.

В этой связи в настоящей статье предпринята попытка оценить воздействие проводимой в текущее время бюджетно-налоговой политики на экономику и выявить риски снижения вклада бюджета в динамику ВВП.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ БЮДЖЕТА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Поступления в БРП, несмотря на довольно высокую долю сырьевых, а значит, конъюнктурных доходов, после 2009 г. колеблются в относительно небольшом диапазоне 32–37% ВВП (рис. 1). Средний уровень доходов за последние 20 лет составил 35,4% ВВП.

Динамика расходов БРП в рассматриваемом периоде демонстрирует заметно более глубокие колебания — от 27–32% ВВП в 2004–2006 гг. до 39–41% — в кризисные годы (2009, 2020 гг.), при среднем значении ВВП — около 35%.

Изменившиеся макроэкономические условия после кризиса 2008–2009 гг. заметно повлияли на сбалансированность БРП: положительное бюджетное сальдо (его средний размер составил 1,5% ВВП) было зафиксировано 5 раз (2011–2012, 2018–2019, 2021 гг.), в то время как дефицит БРП (его средний размер составил 2,5% ВВП) наблюдался в остальные годы периода.

Отдельного внимания заслуживает сопоставление динамики основных параметров БРП с темпами экономического роста (рис. 1). В период 2004–2008 гг., который отличался высокими налоговыми изъятиями и относительно низкими бюджетными расходами, темпы роста ВВП не опускались ниже 6% в год. Напротив, начиная с 2009 г., когда совокупные расходы имели выраженный контрциклический характер,

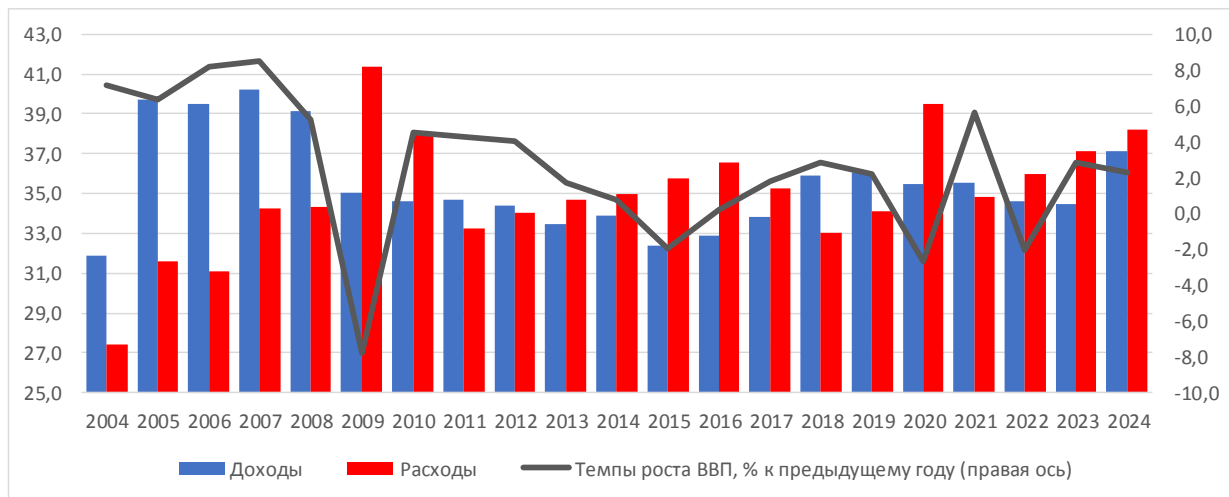

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика доходов и расходов бюджета расширенного правительства в 2004–2024 гг., % ВВП / Dynamics of the General Government Budget (GGB) revenues and expenditures in 2004–2024, % of GDP

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: данные за 2023 г. – оценка; данные за 2024 г. – план / 2023 data – assessment; data for 2024 – planning.

а объем бюджетных доходов снизился — подобное сочетание факторов традиционно должно оказывать стимулирующее воздействие на экономику — среднегодовые темпы роста ВВП составляли порядка 1%. На основании этих наблюдений невольно напрашивается вывод о том, что бюджетно-налоговая политика последних десятилетий не оказывала определяющего влияния на темпы экономического роста. Подтвердить или опровергнуть данную гипотезу нам и предстоит посредством вычисления фискальных мультипликаторов бюджета, которые позволяют количественно оценить изменение совокупного выпуска, вызванное изменением государственных расходов или налоговых поступлений [4].

Пока же обратим внимание еще на одну специфическую черту в поведении параметров БРП в последние два десятилетия. Очевидно, что общая растущая динамика доходов и расходов в постоянных ценах (рис. 2) была обусловлена их «следованием» за приростом физического объема ВВП, который увеличился за период с 2004 по 2023 г. в 1,53 раза. При этом доходы БРП в реальном выражении (в ценах 2021 г.) выросли на 80% — с 26,4 трлн руб. в 2004 г. до 47,6 трлн руб. в 2023 г., в то время как расходы БРП увеличились на 125% — с 22,7 до 51,3 трлн руб. соответственно. Другими словами, оба показателя заметно опередили накопленный прирост ВВП за рассматриваемый период: доходы — на 18%, расходы — на 48%. Кроме того, следует признать, что действие бюджетных правил, как для федерального бюджета, так и для бюджетов субъектов Федерации

и местных бюджетов, сдерживало динамику расходов, не позволяя им еще больше «оторваться» от доходов.

Следует отдельно остановиться на сбалансированности БРП. Визуально заметное на рис. 2 превышение расходов над доходами, характерное для большей части временного периода 2004–2024 гг., указывает на тенденцию к исполнению БРП с хроническим дефицитом, которая стала формироваться после кризиса 2009 г. На фоне растущей динамики расходов после 2009 г. локальные минимумы в реальном выражении наблюдались в 2011 и 2018 гг. (39,1 и 42,5 трлн руб. в ценах 2021 г.). Эти годы могут быть рассмотрены в качестве условных ориентиров структуры расходов при возможной бюджетной консолидации, без проведения которой переломить тренд к наращиванию государственного долга в условиях растущей демографической нагрузки (проблема старения населения) и устойчивого снижения нефтегазовых доходов едва ли возможно.

Представляется целесообразным проанализировать структуру расходов БРП в годы локальных минимумов, сравнив их с наиболее близким к текущему моменту времени некризисным годом. В частности, 2011 г. стал первым посткризисным годом, по итогам которого сокращение расходов относительно предыдущего года составило 4,7 п.п. ВВП до 33,3%. В 2018 г. удалось реализовать программу консолидации расходов, позволившую сократить их на 2,3 п.п. ВВП до минимального с 2007 г. объема в 33% ВВП. В качестве базы сравнения уместно взять 2021 г., когда антикризисная повестка уже начала активно

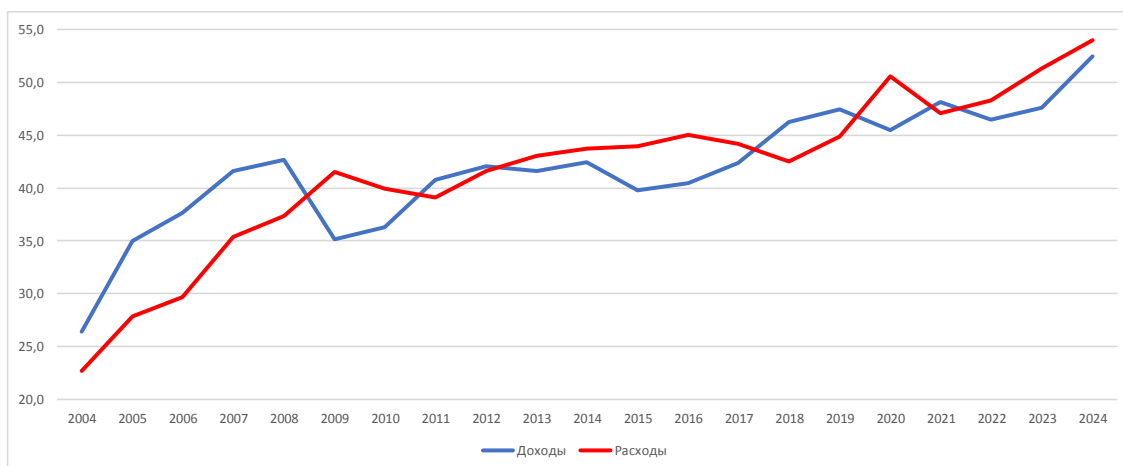

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика доходов и расходов бюджета расширенного правительства в 2004–2024 гг., трлн руб. в ценах 2021 г. / Dynamics of GGB revenues and expenditures in 2004–2024, trillion rubles in prices of 2021

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: – данные за 2023 г. – оценка; данные за 2024 г. – план / 2023 data – assessment; data for 2024 – planning.

сворачиваться, национальные проекты продолжали реализовываться, а эффекты от СВО еще не оказали воздействие на структуру расходов БРП.

Анализ функциональной структуры расходов БРП (табл. 1) выявил, что по сравнению с 2021 г. основными «недофинансированными» статьями были национальная экономика (5,3% ВВП в 2021 г. против 4,3% в 2018 г. и 4,6% в 2011 г.) и здравоохранение (3,8% ВВП в 2021 г. против 3,2% в 2011 и 2018 гг.). С учетом реализации национальных проектов рост данных направлений расходов в 2021 г. по сравнению с 2011 и 2018 гг. представляется вполне логичным, однако в случае необходимости форсированной консолидации расходов некоторый потенциал сокращения инвестиционных расходов по данным функциональным разделам сохраняется.

В то же время на фоне растущего тренда расходов и текущих повышенных потребностей в бюджетном финансировании государственных приоритетов возврат к уровням 2011 или 2018 гг. (33–33,5% ВВП) представляется малореалистичным. По нашим оценкам, потенциал оптимизации по таким направлениям, как национальная экономика и здравоохранение, суммарно не превышает 0,5–0,7% ВВП от уровня 2021 г. По остальным функциональным разделам возможности оптимизации еще более ограничены без возврата к практике «нефинансируемых мандатов». Отдельно заметим, что долевая структура расходов сохраняла стабильность в рассматриваемые годы: доминировали расходы социального характера (56–60%), а силовые расходы,

вложения в развитие экономики и прочие имели вес в среднем 13–15%.

На протяжении 2010-х гг. бюджетная консолидация использовалась не только в рассматриваемые выше годы минимальных расходов. Так, в 2015 г. расходы на ряд социальных выплат были проиндексированы ниже уровня инфляции, а также осуществлен пропуск индексации расходов на оплату труда военнослужащих. При формировании бюджета 2016 г. расходы по страховой части трудовой пенсии и социальной пенсии были проиндексированы на 4,0%, что ниже прогнозируемого уровня инфляции в 6,4%. Данный подход (отстающая индексация) может быть использован при высоком уровне инфляции. Минусом такого подхода являются риски снижения покупательской активности домохозяйств, основным источником доходов которых являются пособия, и активности организаций, чья деятельность связана с государственными поставками.

В рамках фронтального подхода к бюджетной консолидации осуществляется «резка» расходов по всем «незащищенным» статьям на определенный уровень в процентах от утвержденных годовых объемов. В последний раз это использовалось при формировании проекта федерального бюджета на 2016 г. При реализации данного подхода оценивается целесообразность/обоснованность действующих обязательств, мероприятий государственных программ и рассматривается возможность «переноса вправо» части инвестиционных расходов (в первую очередь незапущенных инвестиционных проектов или име-

Таблица 1 / Table 1

**Структура расходов БРП в функциональном разрезе /
The structure of GGB expenditures in the functional specification**

Показатель	2011 г.		2018 г.		2021 г.	
	в % ВВП	в общем объеме расходов, %	в % ВВП	в общем объеме расходов, %	в % ВВП	в общем объеме расходов, %
Всего расходов, в том числе по основным направлениям / ФКР	33,3	100,0	33,0	100,0	34,8	100,0
1. «Силовые» расходы, в том числе:	5,1	15,2	4,7	14,2	4,5	12,9
Национальная оборона	2,6	7,7	2,7	8,2	2,6	7,5
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2,5	7,6	2	6,1	1,9	5,5
2. Развитие человеческого потенциала, в том числе:	7,7	23,3	7,7	23,3	8,1	23,3
Образование	3,7	11,2	3,7	11,2	3,5	10,1
Здравоохранение	3,2	9,7	3,2	9,7	3,8	10,9
Культура	0,5	1,6	0,5	1,5	0,5	1,4
Физическая культура и спорт	0,3	0,8	0,3	0,9	0,3	0,9
3. Социальная политика	10,8	32,6	11,9	36,1	11,8	33,9
4. Национальная экономика	4,6	14,0	4,3	13,0	5,3	15,2
5. Прочие	5,0	15,1	4,4	13,3	5,1	14,7

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ющих возможность быть законсервированными без существенных потерь).

Также можно использовать подход с точечной консолидацией неприоритетных расходов — в первую очередь стимулирующих субсидий организациям, не относимым к стратегически значимым. Он вполне успешно применяется каждый раз при составлении проекта бюджета на следующий финансовый год.

Следует отметить, что общим негативным следствием всех подходов является уменьшение доли расходов производительного характера (табл. 2).

В рамках бюджетной консолидации 2011 и 2018 гг. доля производительных расходов составила около 32% от общего объема непроцентных расходов или чуть более 10% ВВП против 34,2% и 11,6% в 2021 г. соответственно (максимальный уровень с 2010 г.). В рамках бюджетной консолидации 2011 и 2018 гг. сокращению подверглись в основном производительные расходы по функциональным разделам

«Национальная экономика» и «Здравоохранение». Далее мы постараемся выяснить, как подобная оптимизация сказывается на динамике бюджетных мультипликаторов.

ПОДХОДЫ К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ МУЛЬТИПЛИКАТОРОВ БЮДЖЕТА

Как уже отмечалось, один из общепринятых способов оценки влияния бюджетно-налоговой политики на экономический рост — расчет бюджетных и налоговых мультипликаторов. В качестве наиболее популярных подходов к оценке величины фискальных мультипликаторов можно выделить динамические стохастические модели общего равновесия (DSGE) [5–7] и модели векторной авторегрессии (VAR) [8–11]. Они оба обладают своими достоинствами и недостатками.

В частности, DSGE-модели в первую очередь опираются на экономическую теорию и для их

Таблица 2 / Table 2

**Структура производительных расходов бюджета расширенного правительства,
в % ВВП / The structure of GGB productive expenditures, % of GDP**

Показатель	2011 г.	2018 г.	2021 г.
Всего непроцентных расходов, в том числе	32,7	32,1	33,9
производительные расходы по основным направлениям / ФКР	10,4	10,3	11,6
Национальная оборона. Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	0,3	0,3	0,3
Образование	3,7	3,7	3,5
Здравоохранение	3,2	3,2	3,8
Национальная экономика	2,7	2,6	3,3
Прочие	0,5	0,5	0,7
Доля производительных расходов в общем объеме непроцентных расходов бюджета, %	31,8	32,1	34,2

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

построения важно задать правильные теоретические предпосылки. В условиях быстроменяющихся и усложняющихся экономических процессов DSGE-модели часто не успевают адаптироваться, что, например, приводит к снижению их прогнозной силы по сравнению с неструктурными методами [12].

VAR-модели относятся к классу неструктурных моделей и при оценивании фискальных мультипликаторов в большей мере опираются на статистические данные, нежели на конкретные теоретические модели, что позволяет более точно описывать актуальные экономические процессы. С другой стороны, возникает проблема неустойчивости кросс-корреляционных взаимосвязей при изменении режима экономической политики (так называемая критика Лукаса).

Как показывает обзор литературы, в современных исследованиях, посвященных оценке фискальных мультипликаторов, большее распространение получили именно неструктурные модели, а их развитие главным образом происходит в направлении более точной идентификации экзогенных фискальных шоков [13–15].

Для оценки мультипликаторов с помощью VAR-моделей используют коэффициенты импульсных функций отклика (ИФО), которые позволяют определить реакцию одних показателей на шоки других. При этом, если показатели измерены по логарифмической шкале, полученные мультипликаторы будут иметь интерпретацию эластичностей.

Ключевые эмпирические трудности, с которыми сталкиваются исследователи при оценке фискальных мультипликаторов с использованием VAR-моделей, заключаются в необходимости идентификации шоков фискальной политики, а также в подборе большого количества наблюдений для оценивания. Для решения первой проблемы необходимо связать между собой ошибки модели в приведенной форме (которой выступает VAR-модель) и структурные независимые шоки показателей. В российских (и во многих зарубежных) исследованиях применяют так называемый технический подход к идентификации шоков: например, в работах [9, 10, 16] используется разложение Холецкого. Применяя данный метод, необходимо сделать предположения о скорости распространения шоков различных показателей в модели и расположить их в определенном порядке, предполагая, что шок первого показателя влияет на все прочие, шок второго — на все, кроме первого и т.д.

В ряде российских исследований можно встретить результаты оценивания с помощью VAR-моделей значений фискальных мультипликаторов (табл. 3).

В работах [16, 17] также вычислялись значения мультипликаторов в разрезе функциональных разделов бюджетных расходов.

Общими недостатками рассмотренных российских исследований и большинства зарубежных

Таблица 3 / Table 3

**Оценки фискальных мультипликаторов в отдельных российских исследованиях /
Assessments of fiscal multipliers in selected Russian researches**

Работа	Показатели VAR-модели	Тип мультипликатора	Значение мультипликатора	
			совокупных налогов	совокупных расходов
Кудрин, Кнобель (2017 г.)	ВВП, расходы, цена на нефть	Моментное значение ИФО, эластичность	Не рассчитывался	0,91
Власов, Дерюгина (2018 г.)	ВВП, расходы, доходы, ставка по кредитам нефин. орг., дефлятор, ВВП Евросоюз, цена на нефть	Пиковое значение кумулятивной ИФО, эластичность	-0,75	0,28
Зяблицкий (2020 г.)	ВВП, расходы, доходы, ставка МІАСР, цена на нефть	Кумулятивное значение ИФО за 4 квартала, в денежных единицах	-0,38	0,42

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

является ограниченное число показателей VAR-модели и малая глубина (редко превышающая 3 лага). При этом пропуск существенных переменных может приводить к проблеме эндогенности даже в случае успешной идентификации шоков, а малая глубина модели не позволяет учесть динамические эффекты взаимного влияния показателей. Эти недостатки вызваны необходимостью производить большое количество наблюдений для оценивания более размерных VAR-моделей.

Одним из возможных решений выступает использование панельных данных, как это было сделано в работе [10]. Однако такой подход не позволяет рассчитать специфические мультипликаторы для конкретной страны. Еще один вариант решения — использование байесовских методов оценки [18]. В работе [11] на основе российских данных как раз рассматривается байесовская VAR-(BVAR) модель российской экономики для расчета фискальных мультипликаторов, что позволяет учесть большее количество показателей.

В настоящем исследовании также применены байесовские методы оценивания VAR-модели для расчета фискальных мультипликаторов. Благодаря увеличению количества показателей в модели и ее глубины, а также использованию более длинного временного ряда показателей были уточнены существующие в литературе оценки значений фискальных мультипликаторов в условиях российской экономики.

Оцениваемая в рамках данного исследования модель представляет собой следующую векторную авторегрессию:

$$Y_t = c + \sum_{i=1}^p B_i L_i Y_{t-i} + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где Y_t — вектор-столбец описанных ранее 10 макроэкономических показателей в момент времени t ; p — глубина лага модели; B_i — матрица коэффициентов для лага порядка i ; L_i — лаговый оператор порядка i ; ε_t — вектор-столбец ошибок регрессии в приведенной форме.

Для оценки коэффициентов модели применялось априорное распределение Миннесота. Для априорной ковариационной матрицы коэффициентов использовались стандартные для эмпирической литературы значения гиперпараметров: $\lambda_1 = 0,1$; $\lambda_2 = 0,5$; $\lambda_3 = 1$; $\lambda_4 = 100$. Для априорного распределения ковариационной матрицы ошибок модели — обратное гамма-распределение [19].

Модель оценивалась с помощью алгоритма Гиббса [20].

Идентификация структурных шоков проводилась с помощью разложения Холецкого.

Согласно информационным критериям наиболее подходящей для модели является глубина в 5 лагов.

В связи с тем, что переменные модели были в форме логарифмов, мультипликаторы представляют собой процентное изменение выпуска в ответ на фискальный шок в размере 1%.

Модель оценивалась как для совокупных расходов², так и отдельно для функциональных

² Здесь и далее речь идет о совокупных непроцентных расходах, т.е. общих расходах бюджета расширенного правительства за вычетом расходов на обслуживание государственного и муниципального долга.

разделов бюджета. В последнем случае показатель совокупных расходов в модели менялся на соответствующую категорию (направление) расходов.

На основе обзора литературы для оценки BVAR-модели был сформирован следующий набор переменных: индекс волатильности на мировых финансовых рынках VIX, цена на нефть марки Brent (в долл. США за баррель), сумма объемов экспорта и импорта (млрд руб.), государственные расходы (млрд руб.), налоговые доходы (млрд руб.), ВВП (млрд руб.), дефлятор ВВП (индекс, 2016 = 100), уровень безработицы (% от трудоспособного населения в возрасте от 15 до 74 лет), средневзвешенная фактическая ставка по кредитам, которые предоставляются московскими банками на срок до 1 дня (MIACR, п. п.), среднее значение номинального обменного курса рубля к доллару США. Данные по государственным расходам также собраны в разрезе функциональных направлений.

Данные по каждому показателю взяты в квартальном выражении за временной период с I квартала 2004 по IV квартал 2021 г.

Все показатели в стоимостном выражении были переведены в цены 2016 г. с помощью дефлятора ВВП. Для показателей, имеющих выраженную сезонную динамику, было проведено сглаживание с помощью процедуры X-13ARIMA-SEATS. Все переменные (кроме ставок) были взяты в логарифмах уровней, что позволяет интерпретировать изменения показателей как процентные.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ ФИСКАЛЬНЫХ МУЛЬТИПЛИКАТОРОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ BVAR МОДЕЛИ

На рис. 3 представлены результаты оценивания модели с совокупными государственными расходами и налоговыми поступлениями.

Согласно полученным данным, значимый отклик на фискальные шоки наблюдается в первые 3–4 квартала после шока, далее он становится незначимым. Это справедливо как для шока государственных расходов, так и для шока налоговых поступлений.

На основе полученных импульсных откликов были рассчитаны показатели, отражающие влияние фискальных шоков на совокупный выпуск. В случае отсутствия статистической значимости значение импульсных откликов предполагается равным нулю (табл. 4).

Согласно данным табл. 4, при дополнительном³ росте государственных расходов на 1% увеличение ВВП в первый год после шока составит в среднем 0,087% ежеквартально. Совокупный прирост ВВП за первый год — 0,384%. Со временем эффект шока государственных расходов ослабевает. Таким образом, итоговый кумулятивный прирост ВВП в результате шока государственных расходов будет 0,584%, он достигается в VIII квартале после шока (спустя 2 года). Значения импульсных откликов после этого периода являются статистически незначимыми.

Отклик совокупного выпуска на внеплановое изменение совокупных налоговых поступлений демонстрирует схожую динамику и амплитуду. Так, среднеквартальное падение ВВП в первый год после положительного шока налоговых поступлений составляет 0,115%. В итоге, совокупное падение ВВП за первый год — 0,457%. Со временем эффект рассматриваемого шока ослабевает.

Полученные значения мультипликаторов соответствуют существующим исследованиям, в частности, в работе [11] также используют байесовские методы оценивания и получают сопоставимые результаты.

Для более детальной спецификации бюджетно-налоговой политики рассмотрим эффекты государственных расходов в разрезе функциональных разделов.

В табл. 5 представлены результаты расчетов соответствующих бюджетных мультипликаторов.

По результатам оценки (табл. 5) статистическая значимость эффекта шока государственных расходов на национальную экономику на ВВП в краткосрочной перспективе оказывается низкой. Значимый эффект обнаруживается, начиная с VI квартала после шока. Средний прирост совокупного выпуска в первые 3 года после шока составляет 0,153% ежеквартально. Совокупный прирост выпуска за 3 года в результате единовременного увеличения государственных расходов на 1% — 1,922%. Таким образом, расходы на национальную экономику имеют слабый статистически незначимый краткосрочный эффект, их влияние нарастает в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это соответствует экономической логике и существующим исследованиям, так как расходы на национальную экономику относятся в основном к инвестиционным государственным расходам, чей мультипликатор выше в долгосрочной перспективе [9].

³ «Шоковым», внеплановом, в терминах бюджетного процесса можно описать как вследствие поправок в первоначальную версию закона о бюджете.

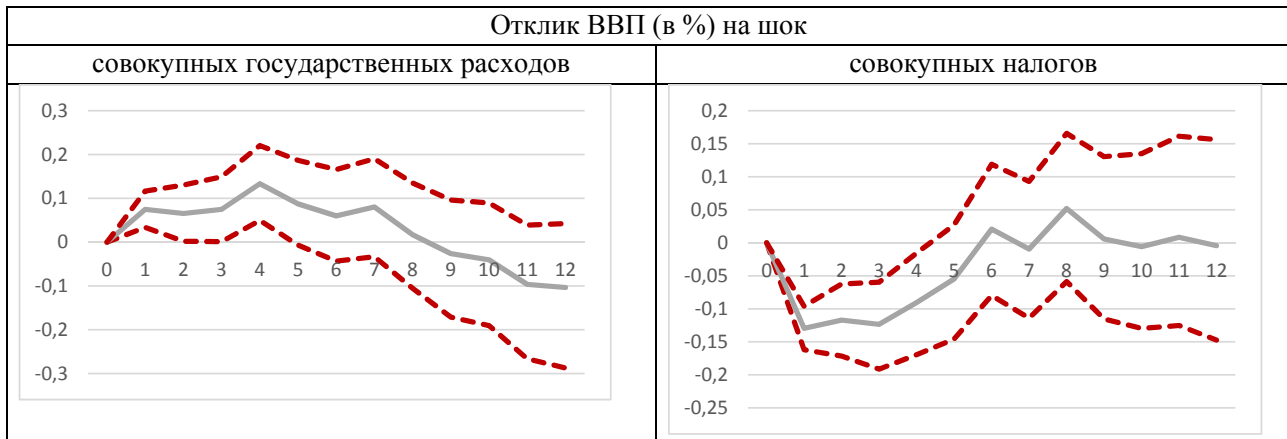

Рис. 3 / Fig. 3. Импульсные функции отклика ВВП на фискальный шок в размере 1% /
Impulse functions of the GDP response to a fiscal shock of 1%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: – пунктирные линии – границы 90%-ного доверительного интервала / dotted lines are the boundaries of the 90% confidence interval.

Таблица 4 / Table 4

Мультипликаторы совокупных государственных расходов и налоговых поступлений, % /
Multipliers of total government expenditures and tax revenues, %

Показатель	Среднеквартальный отклик		Пиковый квартальный отклик за 3 года	Кумулятивный отклик	
	за 1-й год	за 3 года		за 1-й год	за 3 года
Совокупные государственные расходы	0,087*	0,049*	0,133*	0,348*	0,584*
Совокупные налоговые поступления	-0,115*	-0,045*	-0,129*	-0,457*	-0,509*

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: * – показатель значим на 10%-ном уровне / the indicator is significant at the 10% level.

Динамика совокупного выпуска в ответ на шок «силовых» государственных расходов схожа с реакцией выпуска на шок расходов на национальную экономику, однако амплитуда этого эффекта ниже.

Мультипликатор государственных расходов на развитие человеческого капитала является статистически незначимым на любом горизонте. Отсутствие статистически значимого влияния рассматриваемого шока может объясняться долгосрочностью эффекта от расходов этого типа. Видимо, ввиду недостаточной глубины модели эта зависимость не обнаруживается. В любом случае краткосрочное и среднесрочное стимулирование экономики через государственные расходы этого типа оказывает крайне ограниченный эффект.

Шок расходов на социальную политику имеет наиболее выраженный краткосрочный эффект среди всех функциональных разделов бюджетных расходов. Средний прирост совокупного выпуска в первый год после рассматриваемого шока составляет 0,363% ежеквартально. Итоговый совокупный прирост ВВП за первый год после шока оценивается в 1,354%. Однако после IV квартала эффект шока затухает, статистически значимого среднесрочного эффекта не обнаруживается. Высокое значение краткосрочного мультипликатора данной категории расходов соответствует экономической теории. Расходы на социальную политику прежде всего нацелены на поддержку наименее защищенных и обеспеченных слоев населения, часто имеющих высокую предель-

Таблица 5 / Table 5

Мультипликаторы государственных расходов в разрезе функциональных разделов, % /
Multipliers of government expenditures by functional categories, %

Показатель	Среднеквартальный отклик		Пиковый квартальный отклик за 3 года	Кумулятивный отклик	
	за 1-й год (1 st year)	за 3 года (for 3 years)		за 1-й год (1 st year)	за 3 года (for 3 years)
Расходы на национальную экономику	0,057	0,153*	0,284*	0,234	1,922*
«Силловые» расходы	0,023	0,127*	0,281*	0,114	1,457*
Расходы на развитие человеческого капитала	0,008	0,005	0,019	0,033	0,058
Расходы на социальную политику	0,363*	0,249	0,488*	1,354*	2,956
Прочие расходы	0,073	0,064	0,129	0,292	0,730

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: * – показатель значим на 10%-ном уровне / the indicator is significant at the 10% level.

ную склонность к потреблению из располагаемого дохода. При этом следует понимать, что расходы на социальную политику составляют порядка трети всех государственных расходов, в связи с чем мультипликатор совокупных расходов в заметной степени зависит от влияния именно социальных расходов на ВВП. В то же время значение мультипликатора совокупных расходов в краткосрочной перспективе меньше, чем у мультипликатора расходов на социальную политику, так как он учитывает умеренное (или даже незначительное) влияние других направлений государственного финансирования.

Мультипликатор прочих расходов, которые включают расходы на общегосударственные вопросы, ЖКХ, охрану окружающей среды и СМИ, не является статистически значимым. К этой категории традиционно относятся наименее производительные расходы.

Таким образом, государственные расходы на социальную политику наилучшим образом подходят для краткосрочного (в течение года) стимулирования экономики. В среднесрочной перспективе наблюдается статистически значимое влияние расходов на национальную экономику и «силловых» расходов. При этом эффективность расходов на национальную экономику с точки зрения стимулирования совокупного выпуска оказывается выше.

ВЫЯВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ХАРАКТЕРА ВОЗДЕЙСТВИЯ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ДИНАМИКУ ВВП

Используя рассчитанные финансовые мультипликаторы, можно довольно условно оценить влияние изменений бюджетно-налоговой политики (в том числе в части изменения структуры расходов бюджета расширенного правительства) на динамику ВВП.

С момента начала СВО в 2022 г. и нарастания санкционного давления государственный бюджет начал адаптироваться к новым вызовам и приоритетам, определенным руководством страны. Преимущественно это коснулось расходной части, в особенности касательно наращивания «силловых» расходов за счет роста совокупных расходов и перераспределения структуры бюджета. Трансформация же налоговой базы зависит от изменения структуры ВВП, и для ее адаптации требуется гораздо больше времени. Принципиальные пиковые изменения структуры бюджета прогнозируются Минфином России на 2024 г. В связи с этим имеет смысл выяснить, как эти изменения (по сравнению с докризисным 2021 г.) повлияют на динамику совокупного выпуска.

Таблица 6 / Table 6

Изменение структуры БРП / GGB structure modification

Показатель	2021		2024		
	млрд руб.	% ВВП	млрд руб. 2021 г.	% ВВП	прирост к 2021 г.
Доходы, всего	48 082	35,5%	51 335	37,1%	6,8%
Непроцентные расходы, всего	45 875	33,9%	51 058	36,8%	11,3%
в том числе:					
«Силовые» расходы	6079	4,5%	11 070	8,1%	82,1%
Развитие человеческого потенциала	10 982	8,1%	11 485	8,2%	4,6%
Социальная политика	15 960	11,8%	15 912	11,5%	-0,3%
Национальная экономика	7236	5,3%	6780	4,9%	-6,3%
Прочие	5618	4,2%	5811	4,1%	3,4%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В табл. 6 представлено изменение показателей БРП на 2024 г. согласно ОНБНТГП.

Согласно табличным данным, в 2024 г. рост непроцентных расходов бюджета расширенного правительства составит 11,3% в реальном выражении по сравнению с 2021 г., на фоне прироста доходов на 6,8%. Структура расходов бюджета при этом существенно смещается в сторону «силовых» трат как за счет выделения дополнительного финансирования, так и вследствие сокращения в реальном выражении расходов на национальную экономику и социальную политику. В этом смысле изменение структуры бюджета частично соответствует типичному для России сценарию направлений бюджетной консолидации, рассмотренному в первой части настоящей работы, характерному, например, для 2011 и 2018 гг.

Так как рассматриваются годовые изменения, в качестве мультипликатора бюджетных расходов будем использовать значения столбца «кумулятивный отклик за 1-й год» из табл. 4, 5. Расчет соответствующих изменений реального ВВП представлен в табл. 7.

В первой части табл. 7 представлены расчеты изменений совокупного выпуска, вызванные исключительно изменениями в объеме совокупных

расходов и доходов бюджета. То есть в этих расчетах структура БРП предполагается неизменной на уровне 2021 г. Согласно данным результатам, наращивание совокупных государственных расходов в 2024 г., по сравнению с 2021 г., приведет к росту ВВП на 3,93%. Сопутствующий рост доходов, который при расчетах интерпретируется как рост именно налоговой нагрузки, снизит ВВП на 3,11%. Таким образом, совокупное изменение выпуска составит 0,82%.

Если же учесть изменение структуры расходов бюджета (нижняя часть табл. 7), стимулирующий эффект государственных расходов существенно сокращается — с 3,93% без учета изменения структуры до 1,72% прироста ВВП, т.е. в 2,3 раза. Это в первую очередь связано с недофинансированием национальной экономики. Как отмечалось ранее, по результатам оценки «силовые» расходы являются менее производительными, чем расходы на национальную экономику. С учетом отрицательного эффекта роста доходов (-3,11% ВВП) совокупный эффект БНП из-за изменения структуры расходов становится отрицательным и приводит к снижению выпуска на 1,39%.

Стоит отметить, что в сценарии Минфина России предполагается, что в 2024 г., по сравнению с 2021 г., доходы вырастут меньше, чем расходы, т.е. дефицит

**Оценка влияния изменений бюджетно-налоговой политики на совокупный выпуск /
The assessment of the modification impact in fiscal policy on aggregate output**

Показатель	Изменение 2024 к 2021
Изменения ВВП без учета изменения структуры расходов	
Совокупное изменение реального ВВП	0,82%
В том числе вызванное изменениями в объеме:	
– совокупных реальных доходов	–3,11%
– совокупных реальных расходов	3,93%
Изменения ВВП с учетом изменения структуры расходов	
Изменение реального ВВП, вызванное изменениями в объеме совокупных реальных расходов	1,72%
В том числе вызванное изменениями в объеме:	
– расходов на национальную экономику	–0,20%
– «силовых» расходов	2,04%
– расходов на социальную политику	–0,13%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

бюджета усугубится. В связи с этим велика вероятность, что консолидация бюджета будет носить более жесткий характер, что в условиях новых вызовов выразится в еще большем урезании «незащищенных» расходов.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу о том, что перераспределение структуры бюджета в сторону менее производительных расходов снижает их стимулирующий потенциал для экономики. С учетом необходимости изыскания финансирования для этих расходов влияние подобного бюджетного маневра на динамику ВВП может оказаться негативным.

ВЫВОДЫ

VAR-моделирование имеет ряд ограничений, связанных в основном с тем, что модель строится на исторических данных и учитывает присущие им закономерности. В случае существенного изменения экономической конъюнктуры, которая меняет характер наблюдаемых ранее закономерностей, значения рассчитываемых на основе такой модели мультипликаторов могут также измениться. Одно из возможных решений этой проблемы — оценка модели с переключающимися режимами, в зависимости от стадии экономического цикла. В этой области находится потенциал будущих исследований.

Кроме того, прогнозируемые VAR-моделью импульсные отклики, которые лежат в основе расчета мультипликаторов, имеют вероятностный характер, т.е. при расчетах используется лишь наиболее вероятное (медианное) значение мультипликатора. Для увеличения уверенности в полученных значениях необходимо рассматривать более длинные ряды данных, что для современной российской истории не представляется возможным.

Однако даже на основе использованной методологии применения VAR-моделирования на российских данных видно, какие фискальные мультипликаторы были характерны для БРП до начала мобилизационной трансформации бюджета. В частности, рассчитанные с использованием BVAR-модели на данных 2004–2021 гг. мультипликаторы совокупных налогов и непроцентных расходов подтверждают наличие значимого влияния бюджетно-налоговой политики на ВВП. При этом мультипликаторы государственных расходов на развитие человеческого капитала и прочих расходов — статистически не значимы. Государственные расходы на социальную политику наилучшим образом подходят для краткосрочного стимулирования экономики. В среднесрочной перспективе наблюдается статистически значимое положительное влияние «силовых» расходов и расходов на национальную

экономику, при этом эффективность последних оказывается заметно выше.

Расчетным путем было установлено, что запланированные изменения объема и структуры БРП в 2024 г., по сравнению с 2021 г., могут привести к снижению совокупного выпуска на 1,39%. Нарастание государственных расходов, безусловно, стимулирует выпуск, однако изменение их структуры вследствие смещения в сторону менее производительных снижает данный эффект в 2,3 раза, что с учетом растущих налоговых изъятий из экономики может привести к итоговому негативному эффекту на совокупный выпуск. Иначе говоря, подтверждается гипотеза о том, что перераспределение структуры бюджета в сторону менее производительных расходов снижает их стимулирующий потенциал для экономики, причем не важно, в каких экономико-

политических условиях это происходит — в условиях СВО и санкций или в периоды бюджетной консолидации.

Таким образом, с учетом нарастающей потребности государства изыскивать дополнительное финансирование посредством увеличения налоговой нагрузки, ожидаемое изменение бюджетных параметров в 2024 г. может негативным образом сказаться на вкладе бюджетно-налоговой политики в динамику темпов роста ВВП в России. Безусловно, данные изменения вызваны объективными внешнеполитическими факторами, однако следует учитывать возможность дальнейшего снижения роли бюджета как фактора стимулирования совокупного выпуска в случае продолжительного сохранения или ухудшения подобной структуры.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

REFERENCES

1. Ke-young Chu, Gupta S., Clements B., Hewitt D., Lugaresi S., Schiff J, Schuknecht L., Schwartz G. Unproductive public expenditures: A pragmatic approach to policy analysis. IMF Pamphlet Series. 1995;(48). URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/pam/pam48/pam4801.htm>
2. Kudrin A., Sokolov I. Fiscal maneuver and restructuring the Russian economy. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(9):5–27. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2017–9–5–27
3. Kneller R., Bleaney M.F., Gemell N. Fiscal policy and growth: Evidence from OECD countries. *Journal of Public Economics*. 1999;74(2):171–190. DOI: 10.1016/S 0047–2727(99)00022–5
4. Ramey V.A. Ten years after the financial crisis: What have we learned from the renaissance in fiscal research? *Journal of Economic Perspectives*. 2019;33(2):89–114. DOI: 10.1257/jep.33.2.89
5. Zubairy S. On fiscal multipliers: Estimates from a medium scale DSGE model. *International Economic Review*. 2014;55(1):169–195. DOI: 10.1111/iere.12045
6. Christiano L., Eichenbaum M., Rebelo S. When is the government spending multiplier large? *Journal of Political Economy*. 2011;119(1):78–121. DOI: 10.1086/659312
7. Christiano L.J., Eichenbaum M., Evans C.L. Nominal rigidities and the dynamic shock to monetary policy. *Journal of Political Economy*. 2005;113(1):1–45. DOI: 10.1086/426038
8. Blanchard O., Perotti R. An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output. *The Quarterly Journal of Economics*. 2002;117(4):1329–1368. DOI: 10.1162/003355302320935043
9. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Measuring the output responses to fiscal policy. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2002;4(2):1–27. DOI: 10.1257/pol.4.2.1
10. Ilzetzki E., Mendoza E.G., Végh C.A. How big (small?) are fiscal multipliers? *Journal of Monetary Economics*. 2013;60(2):239–254. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2012.10.011
11. Vlasov S., Derugina E. Fiscal multipliers in Russia. Bank Rossii. Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniakh. 2018;(28). URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/33264/wp28.pdf> (In Russ.).

12. Nelson C.R. The prediction performance of the FRB-MIT-PENN model of the US economy. *The American Economic Review*. 1972;62(5):902–917.
13. Romer C.D., Romer D.H. The macroeconomic effects of tax changes: Estimates based on a new measure of fiscal shocks. *The American Economic Review*. 2010;100(3):763–801. DOI: 10.1257/aer.100.3.763
14. Ramey V.A. Identifying government spending shocks: It's all in the timing. *The Quarterly Journal of Economics*. 2011;126(1):1–50. DOI: 10.1093/qje/qjq008
15. Ramey V.A., Zubairy S. Government spending multipliers in good times and in bad: Evidence from US historical data. *Journal of Political Economy*. 2018;126(2):850–901. DOI: 10.1086/696277
16. Kudrin A., Knobel A., Fiscal policy as a source of economic growth. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):5–26. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2017–10–5–26
17. Zyablitskiy I., Estimating fiscal multipliers in Russian economy. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = The HSE Economic Journal*. 2020;24(2):268–294. DOI: 10.17323/1813–8691–2020–24–2–268–294
18. Bańbura M., Giannone D., Reichlin L. Large Bayesian vector auto regressions. *Journal of Applied Econometrics*. 2010;25(1):71–92. DOI: 10.1002/jae.1137
19. Kadiyala K.R., Karlsson S. Numerical methods for estimation and inference in Bayesian VAR models. *Journal of Applied Econometrics*. 1997;12(2):99–132. DOI: 10.1002/(SICI)1099–1255(199703)12:2<99::AID-JAE 429>3.0.CO;2-A
20. Blake A., Mumtaz H. Applied Bayesian econometrics for central bankers. London: Bank of England; 2012. 222 p. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/ccbs/resources/applied-bayesian-econometrics-for-central-bankers-updated-2017.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Илья Александрович Соколов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия; научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
Ilya A. Sokolov — Leader Research Assoc., Financial University, Moscow, Russia; Research Assoc., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-0431-4993>
 sokolov@iep.ru

Евгений Олегович Матвеев — младший научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия; научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
Evgeniy O. Matveev — Junior Research Assoc., Financial University, Moscow, Russia; Research Assoc., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-2727-6192>
 Автор для корреспонденции / Corresponding author:
 Matveev@iep.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.10.2023; после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 20.11.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 16.10.2023; revised on 05.11.2023 and accepted for publication on 20.11.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.